

коистие, воспряла и благородное памятение оказать достойное почтение памяти вечною славы достойного своего предка. Ибо хотя в 1747 году и был уже изваян из меби образ Петра Великого, который и понин еще хранился [то есть в 1780 годах], но онъ не удовольствовал желемому намѣрению: обыкновенное подножье его не означает ничего и не способно воздвигнуть въ душу зрителя благополучной мысли.

Повѣствователъ, довольный дикимъ и „псевдобосовидимымъ“ камнемъ подножия нового памятника российскому „иро“, представляемому скажущимъ на конѣ съ распростертою правой рукой, восклицаетъ: „новая, дерзованная и много выражаящая мысли!“ А чтобы уяснить аналогичность аллегоріи съ самимъ подножiemъ, сообщаетъ, что Петръ Великий имѣлъ печать, на которой онъ былъ изображенъ въ видѣ каменосчика, выѣкающаго изъ камня статую женской особы, т. е. Россіи.

Съ извѣстными французскими авторами Фальконетомъ было заключено посланникомъ нашимъ, княземъ Голицынскимъ, условіе, по которому онъ обязалъ кончить свою работу по сооруженію памятника въ восемь лѣтъ. Прибывъ въ 1766 году въ Петербургъ, онъ въ десять мѣсяцевъ изготавливъ въ маломъ видѣ модель. Подножие памятнику приготовила сама природа: въ шести верстахъ отъ Петербурга, въ деревни Лахты, на ровной и болотистой мѣстности, найденъ былъ „ужасной“ величины камень, извѣстный подъ именемъ Каменной Горы, на которую Петръ Великий взиралъ неоднократно со вниманіемъ, и въ которую за пѣскоѣль лѣтъ до того ударило громомъ, отчего и придано ей имя „камни грома“.

Первое извѣстие обѣ этомъ камни, въ сентябрѣ 1768 г., сообщили лахтинскій крестильщик Семенъ Вишняковъ. На перевозку камня [екалы] употреблено болѣе четырехъ мѣсяцевъ, и когда онъ былъ доставленъ къ назначенному мѣсту, то длина его оказалась въ 83 фута, а высота и ширина 21 фута.

Перевезеніе камня ознаменовано особою медалью съ портретомъ Екатерины съ одной стороны, а съ другой—съ изображеніемъ самого перевезенія камня, обѣкваемаго каменосѣщими и окруженнаго множествомъ зрителей, съ надписью: „перевезено подобно, генваря 20 1770 года“, т. е. тогдь день въ который Государыѣ благоустроило было осмотрѣть работу.

Съ 1-го февраля 1768 г. Фальконетъ занялся устройствомъ модели, которую окончилъ въ июль слѣдующаго 1769 года. Замѣчанія повѣствователъ обѣ одѣяніи Петра Великого любопытно по своей оригинальности. „Какъ памятне художника было изобразить не столько побѣдителя и завоевателя, но творца своего народа и законодателя своей державы, то на какую другую могъ пасть выборъ художника, какъ только на древнюю российскую одежду, которую носилъ [акои] Петъ Великъ самъ, во время своей юности, которая и нынѣ еще составляется народное одѣяніе [аристократическое], однакоже похожее на мантю, отличающую ее довольно отъ короткаго платья, употребляемаго простымъ народомъ на Волгѣ [бураяка?]. Словомъ сказать, избранная одѣждъ, коею облечены извѣніи образъ Марка Аврелия, одѣждъ практической,—всѣмъ временемъ, всѣмъ державамъ и всѣмъ народамъ присущающая“.

По сказанію вышеупомянутаго описания, для точнѣшаго изображенія коня береторы Ѣздили передъ Фальконетомъ верхомъ на лучшихъ лошадяхъ императорской конюшни, а чтобы дать скажущему коню надлежащее положеніе, сдѣлано было возвышение, имѣвшее точно такую же наложеніе какъ и подножие, на которое искусный береторъ долженъ былъ въ разные дни, то на томъ, то на другомъ конѣ вѣзжать вскачъ. Огните памятника, постѣ искоторыхъ пеудачъ, произошло по желанию, составлено единственный въ своемъ родѣ произведение по необыкновенной своей тонкости; иѣко Сандонъ выполнилъ его совершенно въ два года, получивъ за то 20.000 р. А Фальконетъ, вида твореніе свое совершенно оконченнымъ, въ сентябрѣ 1778 года, поѣдѣніемъ наладчицаго приѣзжанія въ Россию, вѣзвѣлся въ свое отечество, гдѣ, купивъ на трудовые деньги пре красную мызу, умеръ въ 1791 г.

Въ отчетѣ по сооруженію памятника значатся нижеиздѣющія суммы: выпадо Фальконету по договору въ теченіе восьми лѣтъ 47.916 р.; за вылитіе изваянія 17.500 р.; заведеніе и содержаніе всего пужнаго для его хозяйства во время его пребыванія въ Россіи стоило 26.876 р.,

что составляетъ въ итогѣ 92.291 р. Сверхъ того три подмастерья его получили на содержаніе и путевые издержки 27.284 р., а литейный пушечный мастеръ Хайлъ 2.500 р. Всѣ же суммы, заплаченныя контрактой строенія домовъ и садовъ съ 1766 года по совершенное окончаніе, по и соблаговолила также извать, считая тутъ и издержки на перевезеніе камня [представляла], простирается до 424.610 руб.

Итогъ, какъ видите, довольно почтенный, если принять въ соображеніе существовавшую въ доброе ста

ро время демешину на все.

По отѣзѣ Фальконета, занятіе остававшееся еще работой поручено было коллежскому советнику правовою рукой, восклицаетъ: „новая, дерзованная и много выражаящая мысли!“ А чтобы уяснить аналогичность аллегоріи съ самимъ подножiemъ, сообщаетъ, что Петръ Великий имѣлъ печать, на которой онъ былъ изображенъ въ видѣ каменосчика, выѣкающаго изъ камня статую женской особы, т. е. Россіи.

Съ извѣстными французскими авторами Фальконетомъ было заключено посланникомъ нашимъ, княземъ Голицынскимъ, условіе, по которому онъ обязалъ кончить свою работу по сооруженію памятника въ восемь лѣтъ. Прибывъ въ 1766 году въ Петербургъ, онъ въ десять мѣсяцевъ изготавливъ въ маломъ видѣ модель. Подножие памятнику приготовила сама природа: въ шести верстахъ отъ Петербурга, въ деревни Лахты, на ровной и болотистой мѣстности, найденъ былъ „ужасной“ величины камень, извѣстный подъ именемъ Каменной Горы, на которую Петръ Великий взиралъ неоднократно со вниманіемъ, и въ которую за пѣскоѣль лѣтъ до того ударило громомъ, отчего и придано ей имя „камни грома“.

Празднствуя горжественное открытие памятника назначено быть 7-го августа 1782 года,—стать лѣтъ спустя по вступленіи на всероссийскій престолъ Петра Великаго; при этомъ принято также въ соображеніе, что мѣсяцъ августа въ жизни сего монарха знаменитъ различными достопамятными происшествіями.

За пѣсколько дней до представившаго торжества, вместо деревянныхъ стѣнъ, которымъ было окружено памятнику, была поставлена

около него пологая ограда съ изображеніемъ на ней „разновидными“ красками каменостой и гористой

страны, вышиною въ пять и окружностью въ тридцать дѣвъ сажени. Наконецъ, неграбильно всѣми ожидаемъ день открытия памятника наступилъ, сначала пасмурный и дождливый. Когда же стало проясняться, то жители собрались величинахъ толпами въ нарочно устроенномъ на этотъ случай галлереи; адмиралтейство и всѣ окресты лежащихъ домовъ были наполнены гражданами, даже и самыя кровли домовъ были ими покрыты.

Въ полдень тронулась со своихъ мѣстъ назначенные къ торжеству полки подъ предводительствомъ своихъ полководцевъ и заняли у花开анія имъ мѣста; сперва шли полки лейбъ-гвардии Преображенской и Измайловской, потомъ бомбардирской артиллерійской и Киевской пѣхоты, Новотроицкій кирасирской полкъ, а наконецъ конный полкъ лейбъ-гвардии и Семеновскій. Число войска простирилось до 15.000 человѣкъ.

Фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, которому поручено было предводительство, отправился въ три часа къ берегу Невы ожидать прибытия Императоратрицы, куда пошли также и члены правительства. Въ четыре часа Государыя соблаговолила прибыть въ шлюпкѣ, при выходѣ изъ которой, бывъ всподианѣйше принята сенатомъ, подъ начальствомъ генераль-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, и собравшимся придворными штатомъ, и будучи сопровождаема огнестоющею свитой подъ прикрытиемъ кавалергардскаго корпуса, торжественно вступила въ зданіе сената, явившись вскорѣ на балконы оного. „Благопріятный“ видъ Марии обратилъ на себя взоры безчисленнаго множества народа. Когда же послѣдовала сигналъ, ограда поверглась „безъ видимыхъ пособий“ на землю, и извѣніи образъ Великаго Монарха явился въ высочайшемъ совершенствѣ. Какое изумрище! воскликнала очевидецъ этого торжественнаго момента. „Великая Екатерина, преисполненная чувствованія къ подвигамъ вѣчной памяти достойнаго своего предка для блаженства и славы Россіи, преклоняетъ предъ нимъ главу, очи исполнены слезъ. Какая чувствительность трогала въ сіе мгновеніе ея великую душу, — языки смертнаго не имѣть словъ къ изображенію ейной“. Раздались веселія, на которое искусный береторъ долженъ былъ въ разные дни, то на томъ, то на другомъ конѣ вѣзжать вскачъ. Огните памятника, постѣ искоторыхъ пеудачъ, произошло по желанию, составлено единственный въ своемъ родѣ произведение по необыкновенной своей тонкости; иѣко Сандонъ выполнилъ его совершенно въ два года, получивъ за то 20.000 р. А Фальконетъ, вида твореніе свое совершенно оконченнымъ, въ сентябрѣ 1778 года, поѣдѣніемъ наладчицаго приѣзжанія въ Россию, вѣзвѣлся въ свое отечество, гдѣ, купивъ на трудовые деньги пре красную мызу, умеръ въ 1791 г.

* Художники приглашавшіеся или уже

трудившіеся въ сооруженіи памятника были: Фай, Фессель, Фельконетъ и Фальконетъ.

** А по Бецкѣ, какъ всѣ обыкновенно имѣютъ Ивана Ивановича, о чёмъ

възмѣшили изъ строкъ, имѣвшихъ случай, по обязанностямъ службъ, перечитать всѣ его письма съ 1763 по 1795 годъ

ператрицѣ нѣсколько битыхъ на случай этого происшествія медалей, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ боярина, а на оборотной—воздвигнутаго ею памятника. Государыя не только изволила принять медали со свойственіемъ ей благословію, но и соблаговолила также извать, считая тутъ и издержки на перевезеніе камня [представляла], простираются до 424.610 руб.

Итогъ, какъ видите, довольно почтенный, если принять въ соображеніе существовавшую въ доброе ста

ро время демешину на все.

По отѣзѣ Фальконета, занятіе остававшееся еще работой поручено было коллежскому советнику правовою рукой, восклицаетъ: „новая, дерзованная и много выражаящая мысли!“ А чтобы уяснить аналогичность аллегоріи съ самимъ подножiemъ, сообщаетъ, что Петръ Великий имѣлъ печать, на которой онъ былъ изображенъ въ видѣ каменосчика, выѣкающаго изъ камня статую женской особы, т. е. Россіи.

Съ извѣстными французскими авторами Фальконетомъ было заключено посланникомъ нашимъ, княземъ Голицынскимъ, условіе, по которому онъ обязалъ кончить свою работу по сооруженію памятника въ восемь лѣтъ. Прибывъ въ 1766 году въ Петербургъ, онъ въ десять мѣсяцевъ изготавливъ въ маломъ видѣ модель. Подножие памятнику приготовила сама природа: въ шести верстахъ отъ Петербурга, въ деревни Лахты, на ровной и болотистой мѣстности, найденъ былъ „ужасной“ величины камень, извѣстный подъ именемъ Каменной Горы, на которую Петръ Великий взиралъ неоднократно со вниманіемъ, и въ которую за пѣскоѣль лѣтъ до того ударило громомъ, отчего и придано ей имя „камни грома“.

Празднствуя горжественное открытие памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ при Петрѣ Великомъ: Екатерина и ему ножаловала будто золотую медаль празднества.

Окончимъ замѣтку собственнымъ отзывомъ Екатерины Великой, изданной въ 1801 году, сообщающей, что при открытии памятника между зрителями находился одинъ почтенный старикъ Рейзеръ, служившій капитаномъ во флотѣ

